

АНГКОР-ТХОМ, КОРОЛЕВСКИЙ ГОРОД

АНДРЕ МИГО

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ надписи и барельефы Ангкор-Вата и Байона, а также дошедшие до нас рассказы китайских путешественников средневековья позволяют составить довольно полное представление о жизни Ангкора XII и начала XIII века, когда он под властью двух выдающихся кхмерских правителей — Сурьявармана II и Джаявармана VII — находился в апогее своего могущества. Одновременно они дают и возможность понять, почему эта блестящая цивилизация, этот несравненный взлет, этот материальный и военный апофеоз правителей стали лебединой песней королевства: после нескольких десятилетий относительной стабильности оно вдруг пришло в упадок, чтобы уже никогда более не возродиться в былом блеске.

Какого же труда, каких сверхчеловеческих усилий стоило народу создать в течение одного только столетия целый каменный мир: города и храмы, дворцы и бассейны, лечебницы и постоянные дворы... Нет ничего удивительного в том, что силы страны истощились и она оказалась не в состоянии отразить нападение врагов.

Грандиозные строительные работы, которые были проведены в таком масштабе и за такое короткое время, смогли осуществиться лишь благодаря высокой организации, возведенной в систему, а эта система была связана с институтом рабства. Несомненно, рабство в Камбодже эпохи Ангкора было не то, что во времена, о которых говорит китайский хронист, когда правители Фунани «захватывали силой» жителей городов, что не хотели подчиниться им добровольно; оно было менее жестоким и кровавым, чем в Ассирии и Древнем Египте, и тем не менее это было рабство.

Из надписей мы узнаем, что существовали наследственные рабы, приписанные к домам их господ: богатые феодалы часто имели более сотни рабов из местных племен мов и лоло или из военнопленных. С рабами сравнительно хорошо обращались, и положение их напоминало скорее положение рабов в Древнем Риме, чем в Египте в эпоху строительства пирамид. И все же в последние годы кхмерской монархии происходили восстания рабов, что безусловно содействовало ее падению.

Если среди рабочих Ангкора, занятых на строительстве храмов, и были рабы, из этого не следует, что эти храмы возводились по принуждению, только чтобы прославить правителей, стремившихся украсить свою столицу. Для каждого

из кхмеров, людей глубоко религиозных, участие в постройке храма было делом благим, богоугодным, почетным.

Впрочем, ни одно истинное произведение искусства и не было создано лишь по принуждению, по приказу. Ангкор явился образцом коллективного творчества и творчества радостного; подобно романским соборам, его современникам, он был воплощением народной веры.

От жилища самого короля и его двора не сохранилось никаких следов — дворец был построен из недолговечных материалов. Однако в воспоминаниях китайского путешественника Чжоу Да-гуаня, который посетил Ангкор в XIII веке, имеется описание Ангкор-Тхома. Он был такой, каким представляется нам сейчас, с высокими стенами, рвами, пятью монументальными воротами, Байоном, «золотой башней» в центре города, Бапхуоном — «медной башней» в одном ли¹ к северу от Королевской площади и т. д.

Ансамбль королевского дворца состоял из зданий, крытых черепицей зеленого или золотистого цвета. Вокруг шла высокая стена с башней, на которой имелся гонг, отбивающий время. Здания были одноэтажные и возводились без фундамента, непосредственно на земле, или стояли на сваях. Застройка велась в строгом порядке, по кварталам, из которых каждый имел свое назначение: апартаменты короля, его семьи, министров, высших духовных сановников, помещения для приемов, гарема, кухни... Примерно с той же планировкой мы встречаемся в современном королевском дворце в Пном-Пене.

Единственной частью дворца, куда допускались посторонние, были залы для приемов. Они отличались поразительной роскошью. Крыши из позолоченной черепицы сверкали на солнце. Внутренние перегородки из драгоценного дерева были украшены изящной скульптурой, бронзой, зеркалами, парчой. Резные деревянные колонны-консоли, на которые опирались покрытые такой же богатой резьбой потолочные балки, были сверху того инкрустированы золотом и драгоценностями. В глубине громадного зала перед одним из окон стоял на возвышении королевский трон из золота и драгоценных пород дерева. На нем король восседал во время приемов.

Чжоу Да-гуань описал и облачение короля: «Только один король может носить одежду из узорчатых тканей. На голове у него золотая диадема... В иных случаях диадемы нет, и волосы убраны пахучими цветами, похожими на жасмин.

¹ Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 4 за 1971 год.

¹ Ли — китайская мера длины, около 0,5 километра.

Шею короля трижды обвивает ожерелье из крупных жемчужин; на запястьях, лодыжках и на пальцах — браслеты и золотые кольца с драгоценными камнями. Он ходит босиком, и подошвы ног и ладони у него выкрашены красной краской. Во время торжественных выходов он держит в руке золотой меч». Краска, о которой говорит

Ангкор-Тхом. Терраса Слонов. (Фрагмент рельефа, XII век).

Чжоу Да-гуань, это экстракт сандала, который и теперь находит то же применение в Камбодже, но уже не у знати, а среди простонародья.

Согласно рассказу Чжоу Да-гуаня, опочивальня правителя была устроена в «золотой башне», что стояла в центре дворцового ансамбля. Мы теперь знаем, что башня эта принадлежала храму Пхменеакас. Но китайский путешественник пускается в пикантные детали: «Все известно, что в башне живет душа девятиглавой змеи, властительницы земли и всего королевства. Каждую ночь она принимает облик женщины, и правитель восходит к ней на ложе, а уже потом покидает башню и может идти к своим женам. Если когда-нибудь душа змеи не появится, значит, пришло время смерти короля. А если король хоть один раз не поднимется на башню, случится несчастье».

К залу для приемов примыкало помещение, где дежурили стражники, вооруженные мечами и копьями. Их щиты и шлемы были украшены изображениями фантастических животных. Стража охраняла доступ в первый двор, куда разрешалось входить только офицерам и высшим чиновникам королевского двора: министрам, членам суда, должностным административным лицам, смотрителям ворот и войскам, служителям, ведавшим королевскими слонами, начальникам королевских складов. Внутри этого двора тоже размещался караул, но во избежание несчастных случаев, которые могли произойти в тесной толпе придворных, на копья караульных были надеты предохранительные шары.

Второй двор, следующий за первым, представлял собой прекрасный парк, в который выходили комнаты, где король принимал сановников: принцев, важных министров, первосвященников и жреца королевской линги.

В своих покоях король охраняется амазонками, которые позволяют входить к нему только женщинам, принадлежащим к королевскому дому, узнавая их по специальной прическе. Кроме первой жены, супруги-королевы, король имеет многочисленных наложниц из знатных семей — часто дочерей властителей других государств. Эти союзы позволяют устанавливать полезные связи. «Тысяча молодых принцесс, каждая из которых подобна богине красоты, находится в его распоряжении. Они различаются национальными костюмами, прическами, сделанными так, как принято у них на родине, но всех объединяет страстная любовь к нему». Помимо этих избранных жен, в королевском дворце живут еще многочисленные наложницы менее высокого ранга, танцовщицы, сотни прислужниц, ничтожные горничные и очаровательные цветочницы.

Дворцовые службы составляют целый маленький город, кишачий торговцами, слугами, ремесленниками, хранителями кладовых, конюхами, портными, ювелирами. На кухне толпа поваров занята стряпней. Все пряности Востока, самые редкие продукты идут в ход — только бы угодить владыке. Наконец, в королевской усадьбе есть и тюрьма для непослушных и для легкомысленных женщин.

Система административного управления при Джаявармане VII была одной из самых сложных и одновременно самых совершенных, какие только известны на тогдашнем Дальнем Востоке. Бесконечное разнообразие титулов и функций. Вся страна охвачена районированием, в котором определено место и самой маленькой деревне и целому вице-королевству. Четкую работу административной машины, построенной по строго иерархическому принципу, обеспечивает многочислен-

ная армия чиновников. Одни ведают взиманием налогов, другие следят за тем, чтобы крестьяне поставляли определенную часть урожая на государственные склады — на случай голода или неурода.

Теоретически земля принадлежала королю, однако пользовались ею крестьяне, которые ее обрабатывали; распределение земель проводилось очень тщательно, в духе закона и справедливости. Торговля регламентировалась королем; специальные смотрители уполномочены были следить, чтобы никто не смел поднимать цены выше назначенных. И торговля процветала. Множество купцов прибывало в Камбоджу из других краев. Они поднимались на своих джонках до столицы и везли туда золото, ртуть, изделия из стекла, селитру, фарфор, киноварь, а вывозили рис, пряности, алоэ, кардамон, рога носорогов, перья диких павлинов и зимородков, медь и олово. Любопытно, что в стране с такой строгой регламентацией не существовало денег, и вся торговля велась путем обмена или посредством товара-эталоны — кусочков серебра и золота.

В кварталах, расположенных вокруг дворца, жили принцы, разного рода сановники, иностранные послы, крупные торговцы, а также ремесленники — ювелиры, ткачи, художники, скульпторы, литейщики, вышивальщики, мастера по лаку, златокузнецы, чеканщики.

От Чжоу Да-гуаня мы узнаем о трех категориях ангорских священнослужителей. Он различает «пан-ки — тех, кто одевается, как остальные люди; лишь белая тесьма на шее, говорит об их принадлежности к «образованным». Вторая группа — чу-ку, которые бреют голову, носят желтые одежды, обнажающие правое плечо, и ходят босыми, стремясь во всем следовать велениям Будды Шакьямуны, которого они называют По-лай; едят они только раз в день и проводят время в чтении священных текстов, записанных на листьях пальм. Наконец, третьи, па-се-вей, — почитатели линги, квадратного камня, похожего на камень жилища бога земли в Китае». В этом перечне легко узнаются брахманы, находящиеся при дворе, буддийские монахи и шиваитские аскеты; описанные здесь буддийские монахи до мелочей похожи на тех, что существуют в наши дни.

Вокруг королевского дворца и примыкающих к нему кварталов простирался бесконечный город, утопавший в зелени, город-сад. Он скорее напоминал большую деревню, даже ряд деревень, ибо кварталы его были разделены участками рисовых полей или огородами. Приютившиеся в тени арековых или сахарных пальм за оградой из бамбука или сахарного тростника, жилища древних ангорцев, вероятно, походили на те, которые мы видим в Камбодже сегодня. Дома на сваях, куда поднимаются по приставной деревянной лестнице или просто по бревну, на котором едва обозначены легкие насечки. Стены и потолок из бамбука, соломенная крыша. Под домом хранятся тележки, прятки, гончарный круг, а кроме того, тут ночуют собаки, свиньи и другой домашний скот. Перерезающие город каналы соединяют созданные королями громадные водохранилища — ба-рай. Они облегчают орошение рисовых полей; на их берегах играют дети, здесь стирают белье и совершают омовение, мужчины ловят рыбу, а их жены прядут, ткут, толкут рис в огромной каменной ступе, размеренно поднимая и опуская тяжелый каменный пест, нянчат детей. А рядом

в грязи нежится полусонный буйвол — богатство камбоджийца.

Официально считалось, что социальная организация Ангкора была детально скопирована с индийской, включая ее четыре главные касты. На деле же кастовые различия были гораздо менее четкими, чем в Индии, и требования эндогамии, запрещавшей межкастовые брачные союзы, тоже соблюдались не так уж строго. В повседневной жизни ничто не различало представителей разных каст: даже рабы считались как бы членами семьи.

Куда больше, чем писаными законами, жизнь камбоджийца регламентировалась обычаями предков, сохранившимися от аустро-азиатской культуры первых жителей Фунани и Ченлы. Все стадии жизни кхмера: рождение, возмужание, женитьба, смерть — отмечались религиозными обрядами очень древнего происхождения, совершенно отличными от брахманистских или буддийских церемоний. (Кстати, современные камбоджийские праздники по большей части ничего общего не имеют с существующими в стране религиями и являются пережитками анимистических верований предков современных камбоджийцев. Таковы, например, праздник Нового года; праздник урожая риса, который отмечается состязанием между юношами и девушками, олицетворяющим соединение двух сил природы; праздник первой борозды; сбора урожая; праздник воды, связанный с изменением режима вод озера Тонле-Сап.) Трупы умерших либо сжигали, либо оставляли на произвол судьбы, и они пожирались птицами. Этим объясняется тот любопытный факт, что кхмерские города не имели некрополей типа наших кладбищ². В то же время нам известны места кремации, как, например, Терраса Прокаженного Короля в Ангкор-Тхоме.

Нравы в государстве царили довольно свободные, и проституция, более или менее официально признанная, была очень широко распространена. Странный обычай предоставлял священнослужителю право липать девственности девушке в возрасте от семи до девяти лет, если она принадлежала к семье, занимающей высокое положение, и в возрасте около одиннадцати лет — если она была из менее знатной семьи; считалось, что только жрец в состоянии справиться с опасностью от нарушения «табу крови». В благодарность за услугу семья приносила дары, соответствующие ее положению и доходам: вино, рис, шелковую или шерстяную ткань, серебро, драгоценности. Бедных жрецы обслуживали бесплатно, считая наградой удовлетворение от сознания исполненного долга.

Строго говоря, операция носила скорее хирургический характер, ибо дефлорация совершалась рукой священника, которую он затем омыл вином и возлагал на лоб каждому из присутствующих; и все это сопровождалось песнями, танцами, ликованием. Увы, и в те времена находились злопыхатели, утверждавшие, будто операция частенько осуществлялась гораздо более естественным образом.

Женщины в этом примитивном обществе пользовались большим уважением, идущим от матриархата. Они во всем были свободны, могли заниматься торговлей, принимали активное участие

в государственных делах и часто занимали высокие административные посты, в том числе судебные. Некоторые прославились своими познаниями в астрологии и науках, другие — заслугами в области религии. Даже при наследовании трона учитывалось происхождение по материнской линии, и тогда один из претендентов, имея равные с соперниками права по отцовской линии, получал преимущество. Не исключено, что камбоджийский трон порою занимали женщины. Например, некоторые историки с определенностью утверждают, что вдова Джаявармана I, Джаядеви, наследовала умершему королю, своему супругу. Несомненным фактом является обычай отдавать вдов правителей, даже индунстов, в жены тем, кто сменял их на троне, в то время как по законам ортодоксального брахманизма вторичное замужество является мерзким грехом.

Многочисленные празднества, существовавшие в Ангкоре, были подлинно всенародными. В них принимал участие каждый, вплоть до самых ничтожных шудра. Чжоу Да-гуань дает подробнейшее описание этих праздников. Обычно торжество проходило на площади в присутствии правителя, восседавшего на богато украшенной трибуне на Террасе Слонов. «Перед дворцом был возведен громадный помост, на котором могло разместиться более тысячи зрителей. Он был увит цветами, увешан фонариками. Напротив на специальных прилавках разложили петарды и ракеты. Как только спустилась ночь, правителю доложили, что все готово».

«В каждом месяце есть свой праздник. Праздник девятого месяца года замечателен тем, что в городе собирают жителей королевства и устраивают шествие перед дворцом; в пятом месяце года в столицу свозят изображения будд со всего королевства, приносят воду и перед лицом короля совершают их омовение...»

«Вот королевский выход. Впереди колонны движется кавалерия, затем несут знамена, штандарты, за ними следует оркестр. Затем выступают придворные дамы числом от 300 до 500, в узорчатой одежде, с цветами в волосах; они держат в руках большие свечи. Далее идут придворные дамы, несущие золотые и серебряные предметы королевского обихода, а также различные украшения... за ними женщины с копьями и щитами: это личная охрана короля... Затем появляются колесницы, украшенные золотом и запряженные лошадьми и козами. Министры и принцы едут верхом на слонах; их сопровождает бесчисленное множество слуг с красными зонтами. Жены и наложницы короля восседают на спинах слонов в паланкинах. Рядом с ними несут более ста зонтов, украшенных золотом. Позади всех едет король, стоя на слоне и держа в руках драгоценный меч. Бивни слона позолочены. Слуги несут более двадцати белых зонтов с ручками из золота. Вокруг короля шествует множество других слонов и теснится охраняющая его конная стража».

Читаешь это описание, и кажется, будто жили барельефы Ангкор-Тхома. Но современные камбоджийские праздники... Они все те же. Как и предок его, сегодняшний кхмер страстно любит праздничный шум, песни, музыку, танцы — все, что может развлечь его в той простой и монотонной жизни, которую он ведет. Как и предок, он отличается наивной и добродушной, почти детской веселостью, которая составляет очарование этого милого и мягкого народа.

² Я не говорю, конечно, о кхмерских храмах, многие из которых могут считаться мавзолеями, усыпальницами почивших правителей (Прим. автора).